

А. У. Мур

Что здесь делают эти знакомые слова?*

Название этой работы – цитата из статьи Дэвидсона «Говоря, что»¹. И хотя мой интерес отстоит от интереса Дэвидсона, он всё же связан с одним значительным вопросом. Мы (не-философы, также как и философы) обнаруживаем, что находимся под постоянным воздействием теории отрицания того, что обычные, знакомые семантические особенности обычных, знакомых слов дают им возможность служить определёнными, обычными, простыми функциями. Одна из задач Дэвидсона состоит в том, чтобы противостоять этому давлению, поскольку его интересует действие перевода косвенной речи². В этом же роде я хочу посмотреть на обычные действия, которые мы совершаем со словами, и продемонстрировать, как быстро мы можем начать придерживаться простого мнения здравого смысла в том, что мы делаем, несмотря на сомнения, которые могут возникнуть. На самом деле я хочу рассмотреть шесть действий, которые мы совершаем со словами, шесть лингвистических ходов³. Эти шесть ходов связаны с некоторыми важными особенностями. Несмотря на то, что в действительности они составляют предметы шести самостоятельных очерков (шести кратких набросков по этой теме), и я полностью осознаю, что их представление в одной работе не будет лучшим вариантом, однако, я собираюсь решить таким образом несколько философских вопросов и продвинуться вперёд. Тогда будет сделано нечто грамматическое.

Теоретическое иго, которое отчасти касается и меня, простирается от определённого непреодолимого представления о языковом поведении, которое я буду называть главным представлением (Governing Picture).

---

* Moore A. W. What are these Familiar Words Doing Here? // Anthony O’Hear (ed.). *Logic, Thought and Language*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. Перевод выполнен Александром Собанцевым с любезного разрешения автора – Прим. пер.

¹ Davidson D. On Saying That // Davidson D. *Inquiries into Truth and Interpretation*. – Oxford: Oxford University Press, 1984, p. 94.

² См. особенно p. 108.

³ Этот способ изложения – ретроспекция к Wittgenstein L. *Philosophical Investigations*. – Oxford: Basil Blackwell, 1974, Pt. I, §§7 и 22.

Главное Представление: языковое поведение *беспорядочно*. Это громадная, причудливо запутанная структура, составленная из миллиона миллионов различных, но объединённых, эпизодов, иногда разительно, а иногда незначительно, отличных друг от друга. Каждый эпизод отличается от другого своим значением, во всех видах утончённых и неопределённых способов, зависящих от контекста. В этих эпизодах язык устанавливается в неограниченное множество употреблений, а эти употребления подчиняются постоянным процессам, по существу, неуправляемой эволюции, объединяющей их, чтобы дать им собственную жизнь во плоти без учёта какого-либо частного говорящего⁴.

Это представление скорее неоспоримо, несомненно, неотрицаемо даже теми, кто учитывает строго формалистскую концепцию механизмов, которые лежат в основе всех этих беспорядочных поверхностных явлений. (Вспомните утверждение Витгенштейна в *Трактате* о том, что «повседневный язык является частью человеческого организма и не менее сложен, чем он»⁵). Но существуют и те, кто используют Главное Представление, чтобы утверждать, подобно следующему:

Значение слова никогда, или почти никогда, не является чем-то точно определённым, тем, что упорядочивает употребления слова. Оно скорее то, что развивается вместе со словом наряду с его употреблениями, а они, в свою очередь, и разрабатывают, и расширяют возможности, которые оно даёт. У значения имеется законченно-открытая динамика. Но это значит, что говорить о «лингвистических ходах» со всеми их коннотациями, которые регулируются правилами игр, совершенно неуместно. Нет единого образца языкового поведения, за исключением очень стилизованных контекстов, таких как действительное участие в игре, у которой есть собственное очерченное значение вне появляющейся распространяющейся и социолингвистической истории, к которой

---

⁴ В подтверждение главного представления, а также многих интересных моментов, см. Standish P. *Beyond the Self: Wittgenstein, Heidegger and the Limits of Language*. – Aldershot: Avebury, 1992, Ch. 2 – см. особенно цитату из Taylor C. *Human Agency and Language*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985, p. 231, которую Стэндиш приводит на p. 74.

⁵ Wittgenstein L. *Tractatus Logico-Philosophicus*. – London: Rutledge & Kegan Paul, 1961, 4.002. Cp. Davidson D. *Criticism, Comment, and Defence* // Davidson D. *Essays on Actions and Events*. – Oxford: Oxford University Press, 1980, особенно 123 и §H; и Davidson D. *What Metaphors Mean* // Davidson D. *Inquiries into Truth and Interpretation*. – Oxford: Oxford University Press, 1984.

оно принадлежит; и нет чего-то одного, что бы было образцом объявления ставки («тройка, козырей нет»), или рокировки⁶.

Ко многим, кто аргументирует подобным образом, я думаю, подходит предостерегающий ответ Мёрдох. Она пишет:

Здесь трюизм, полуистина и бесстыдная метафизика объединяются, чтобы ввести нас в заблуждение. Да, конечно, язык это огромная трансцендентальная структура, которая тянется намного дальше нашего взора, а когда мы размышляем, то осознаём, что часто мы не можем точно сказать, что мы имеем в виду, или не точно знаем, что мы подразумеваем. Здравый смысл обычно не воспринимает затруднение, подобное этому, или, если это происходит, то, представляется, что в действительности ничего не изменилось, а значение и истина – то, чем всегда являлись⁷.

Действительно, обычно мы полагаем, что совершаем различные языковые ходы: такие как описание, просьба, приказание, приветствие, благодарность, и т. п. Правда, Главное Представление должно служить, чтобы напоминать нам, что совершать эти ходы – значит подчиняться всем видам неопределённости; это значит не всегда строго подчиняться правилам; это также значит, что язык гибок для предложений с одинаковой грамматической формой, чтобы использовать их для различных ходов. Действительно это происходит очень часто с одинаковыми предложениями, которые можно употреблять в различных ходах. Запас ходов, которые мы можем совершить, не является чем-то чётко ограниченным, а неопределённо большим и постоянно меняющимся. Но у нас нет необходимости чувствовать какое-либо воздействие со стороны главного представления, чтобы вообще отказаться от разговора о языковых ходах.

Говоря о подобных вещах, я полагаю, что более или менее, следуя установке Витгенштейна⁸. До сих пор некоторые, кто аргументировал тем образом, о котором было упомянуто, полагают, что делают то же

---

⁶ Примерно та же установка обнаруживается у Деррида: см., например, Derrida J. *Signature, Event, Context* // Derrida J. *Margins of Philosophy*. – Brighton: Harvester Press, 1982.

⁷ Murdoch I. *Metaphysics as a Guide to Morals*. – Harmondsworth: Pinguin, 1993, pp. 188-189.

⁸ См., напр., Wittgenstein L. *Philosophical Investigations*. – Oxford: Basil Blackwell, 1974, Pt. I, §§22-24 и 224, третий и четвёртый параграфы с конца. По поводу вопроса о предложениях с одинаковой грамматической формой, которые употребляются в различных ходах, ср. резкое изменение между работами Хакера: Hacker P. M. S. *Insight and Illusion: Wittgenstein on Philosophy and the Metaphysics of Experience*. – Oxford: Oxford University Press, 1972 и Hacker P. M. S. *Insight and Illusion: Themes in the Philosophy of Wittgenstein*. – Oxford: Oxford University Press, 1986; см., особенно XI.

самое. Они рассматривают Витгенштейна, как испытывающего отвращение, как они полагают, перед безнадёжной искусственностью дробления нашего употребления предложений на различные языковые ходы, и, по крайней мере, поскольку задействовано наше употребление *повествовательных* предложений, то, скорее, это уступчивость ‘однородности’: всегда просто сказать, как обстоят дела⁹.

В действительно вопрос сложный. Витгенштейн говорит то, что соответствует обоим чтениям¹⁰. Ошибкой является попытка извлечь какой-то сжатый тезис из того, что он говорит. Витгенштейн не предлагает нам тезис. Он пытается рассеять сомнения, которые обнаружил. В том, что он говорит, несомненно, есть то, что должно предостеречь нас от сравнения высказываний-приветствий с объявлением ставки («тройка, козырей нет»). Он предупреждает, что имеются *разные* модели наших языковых практик, которые мы принимаем. Но дело не в том, чтобы отбрасывать модели и ещё менее – в том, чтобы отбрасывать их в угоду в равной степени испорченным альтернативам. Дело состоит в том, чтобы внимательно следить за предостережениями. Мне кажется, что у Витгенштейна нет ничего, что бы наводило на мысль о том, что мы не можем действительно осознавать, что мы совершаем все виды языковых ходов.

Также нет ничего и в Главном Представлении, что бы намекало на это. Я уверен на этот счёт. На самом деле это не совсем то, что я хочу заявить в этом очерке. Мой интерес не связан с идеей о том, что в действительности мы не можем осознавать, что совершаем все виды языковых ходов. Скорее мой интерес связан с идеей о том, что имеется несколько частных языковых ходов, шесть, о которых я упоминал; причём они таковы, что мы не можем в действительности осознавать, что совершаем *их*. Я хочу доказать, что в Главном Представлении нет ничего, чтобы привело к предположению, что *это* так.

---

⁹ См., напр., Lovibond S. *Realism and Imagination in Ethics*. – Oxford: Basil Blackwell, 1983, §§6 и далее. Отчасти отрицательная позиция может быть обнаружена в связи с этой работой: см., Blackburn S. *Wittgenstein's Irrealism* // Johannes L. Brandt, Rudolf Haller (eds.). *Wittgenstein: Eine Neuerberwehung*. – Vienna: Holder – Richler – Temsckey, 1990. Третья возможная позиция, безусловно, просматривается в этом расхождении интерпретации, разжигающей цинизм, либо по поводу толкования Витгенштейна, либо по поводу самого Витгенштейна.

¹⁰ В подтверждение толкования с противоположным содержанием см., напр., указ. раб. в прим. 3, Pt. I, §402 – цит. по Ловибонд в её раб., указ. в прим. 9, p. 26 – и Wittgenstein L. *The Blue and Brown Books: Preliminary Studies for the 'Philosophical Investigations'*. – Oxford: Basil Blackwell, p. 25.

I

Появление двойственного подхода у Витгенштейна, о котором я только что говорил, изящно подводит нас к первому из этих шести ходов, который заключается в следующем. Иногда мы устанавливаем правила представления. Например, мы говорим «тёти женского пола», имея в виду тем самым, что мы не должны считать кого-либо тётёй до тех пор, пока мы не будем считать этого человека женщиной. Тёти *должны быть* женского пола.

Почему я связываю этот частный ход с появлением двойственного подхода у Витгенштейна? В действительности, есть много мест, в которых сам Витгенштейн ссылается на этот ход, подчёркивая способы, которыми он отличается от высказывания эмпирического утверждения по поводу того, как обстоят дела, например, когда он разделяет то, каким образом привести критерии болезни и описать её симптомы¹¹. С другой стороны разница между совершением этого хода и высказыванием истинного эмпирического утверждения по поводу того, как обстоят дела, очень напоминает разницу между выражением аналитической и синтетической истин, в знаменитых нападках Куайна на последнюю¹²; в этом много того, что напоминает Витгенштейна. Таким образом, Витгенштейн во всех отношениях подозреваемый, как и Куайн, в идее платонически постигаемых значений, прикреплённых к нашим словам путём нашего языкового поведения и устанавливаемых ими самими так, что определённые утверждения являются истинными, – ‘истинными в силу значения’, – в то время как утверждения другого вида требуют опытного основания для подтверждения их истинности¹³. Более того, он разделяет мысль Куайна о постоянном разрушении нашего употребления слов, вызванного множеством прагматических сил, которые продолжают работать против сил консерватизма, посредством чего те самые предложения, которые в одно время мы употребляем, чтобы сказать, как должны обстоять дела, позже могут употребляться нами, чтобы сказать, как дела не обстоят¹⁴. Сейчас я просто отмечу эту очевидную натянутость в размышлениях Витгенштейна. В своё время, я надеюсь, станет понятно, что это очевидно.

¹¹ Напр., указ. в прим. 10 раб. Витгенштейна, р. 24–25.

¹² Классический пример – Quine W. V. Two Dogmas of Empiricism // Quine W. V. From a Logical Point of View: Logico-Philosophical Essays. – New-York: Harper & Row, 1961.

¹³ См., напр., Wittgenstein L. Philosophical Grammar. – Oxford: Basil Blackwell, 1974, р. 54.

¹⁴ См, напр., Wittgenstein L. On Certainty. – Oxford: Basil Blackwell, 1969, §§96-99. Действительно такие мысли присутствуют именно в этом месте, где он описывает разницу между тем каким образом привести критерии и описать симптомы: снова см. указ. в прим. 10 раб., р. 25.

Куайн, между тем, полагает, что мы делаем всё возможное, чтобы трактовать все повествовательные предложения или, более строго, все выражения повествовательных предложений, как однородные утверждения по поводу того, как обстоят дела: если существует что-то подобное описанному различию между аналитическим/синтетическим, тогда это просто вопрос о том, как вероятно мы должны отказываться от наших утверждений, когда мы впоследствии узнаём, что дела не обстоят так, как мы полагали, в то время как, когда мы выдвигали суждения, или лучше сказать, весь набор суждений. Куайн, кажется, точно использует Главное Представление, или, по крайней мере, одну из его частей, – языковое употребление, которое развивается в изменчивых и непредсказуемых направлениях, – чтобы оспорить идею о том, что мы можем устанавливать даже правила представления. Мы говорим «Тёти женского пола» просто потому, что говорить так правильно и общепринято. Мы не устанавливаем таким образом закон о том, что сказать в будущем независимо от того, как может измениться наше мнение о вещах. Нет сомнения в том, что тёти *должны быть* женского пола.

Таким образом, рассуждает Куайн. Однако сейчас мы рассмотрим, говорит ли Куайн, что просто не *существует* разницы аналитического/синтетического, или он отрицает саму их связь? Даммит, комментируя сочинение Куайна, «Две догмы эмпиризма»¹⁵, настаивает на первом. Он пишет:

В последней трети статьи Куайн употребляет понятия, которые в переводе будут означать то, что можно довольно просто определить, как ‘аналитическое’ и ‘синтетическое’: это означает, что аналитическое предложение является таким предложением, что никакой недостижимый опыт не приведёт нас к тому, что мы отзовём приписывание ему истинностного значения; синтетическое предложение является таким предложением, что любой соответствующий пересмотр, вызванный определенным недостижимым опытом, повлечёт за собой то, что мы отзовём приписывание ему истинностного значения. Точка зрения в конце статьи ни в коем случае не состоит в том, что что-то может быть неправильным в отношении такой характеристики понятий аналитического и синтетического предложений, но просто в том, что у этих понятий нет применения: таким образом, определено, что нет аналитических предложений, как нет и синтетических¹⁶.

¹⁵ Указ. раб. в прим. 12.

¹⁶ Dummett M. The Significance of Quine’s Indeterminacy Thesis // Dummett M. Truth and Other Enigmas. – London: Duckworth, 1978, p. 378. Заметьте, что, поскольку Даммит излагает своё

И да, и нет¹⁷. Очевидно, Даммит в этом отрывке не толкует предложения чисто в фонематическом духе. Если бы он это делал, тогда должно было быть определённое предостережение – не учитывать изменение значения. В противном случае было бы абсолютно тривиальным, если бы ‘аналитическое’ и ‘синтетическое’, определённые таким образом, не имели применения. Даммит, следовательно, должен был бы истолковать предложения в качестве имеющих семантический компонент, как опознаваемые, отчасти, по их значению. Но тогда при любом истолковании, которое мог бы принять Куайн, Даммит прав, так как позиция Куайна состоит в том, что нет ни аналитических, ни синтетических предложений, в таком виде, в каком они определены. Но на этом вопрос не закрыт, поскольку, при любом подобном истолковании, предложенные определения не являются достоверными для различения в традиционном понимании. В традиционном понимании различие предполагает более ясное понимание понятия значения, чем то, с которым бы согласился Куайн. В традиционном же понимании при любом данном аналитическом предложении недостижимый опыт может вести любое данное аналитическое предложение к отрицанию, как полагает Куайн. Это означает как раз то, что у предложения будет изменено значение¹⁸. Хорошо, предположим, что предложенные определения подходяще переформулированы, таким образом, чтобы привести их в соответствие с традиционным пониманием. *Следовательно*, позиция Куайна состоит в том, что они непонятны¹⁹.

обсуждение скорее в терминах предложений, чем в терминах их выражений, мы должны полагать, что внимание к предложениям, классифицированным как истинные или ложные, вне зависимости от их индивидуальных выражений, было ограничено, – предложения такого вида Куайн где-то в другом месте называет «вечными» (Quine W. V. *Word and Object*. – Cambridge: The MIT Press, 1960, §40).

¹⁷ Отчасти то, о чём я должен сказать, предугадано Даммитом далее в его обсуждении: см. 411 и след. Ср. также Carnap R. *Quine on Analyticity* // R. Creat (ed.). *Dear Carnap, Dear Van: The Quine-Carnap Correspondence and Related Work*. – Berkeley: The University of California Press, 1990.

¹⁸ Кроме того, в традиционном понимании при любом данном синтетическом предложении, которое считается истинным, и при любом данном недостижимом опыте предложение может продолжать считаться истинным по отношению к этому опыту, как полагает Куайн; но, иногда, только при изменении значения. Если значение остаётся постоянным, тогда никогда не будет никакого выбора по поводу того, должно ли предложение, которое считается истинным, быть отброшенным по отношению к любому возможному недостижимому опыту: если предложение аналитическое, то никогда; если – синтетическое, то, иногда, должно. Вот почему, в традиционном понимании, различие является одновременно и исключительным, и исчерпывающим: рассуждение Даммита становится отчасти неясным.

¹⁹ Я позаимствовал материал для этого параграфа из Moore A. W. *The Underdetermination/Indeterminacy Distinction and the Analytic/Synthetic Distinction* // *Erkenntnis*, 46, 1997, p. 8-9. Заметьте, что в его раб., указ. в прим. 12, Куайн действительно описывает слово ‘аналитический’, как ‘не-непонятый’ (p. 34) и далее связывает идею аналитичности с другой иде-

Действительная цель критики Куайна – более строгое понятие значения. Это понятие, посредством которого значения являются ясно различимыми монадическими сущностями, которые относятся к словам примерно в таком же отношении, как экспонаты к табличкам²⁰, то есть платоническое понятие, о котором я упоминал ранее, и которое Витгенштейн справедливо не принимал.

Мне кажется, что Куайн совершенно прав в критике этого понятия. Определённо в Главном Представлении есть много, чтобы можно было оспорить это. Но как это связано с идеей того, что мы иногда устанавливаем правила представления? Никакой очевидной связи просто нет²¹. Можем ли мы не принимать правило, посредством которого неправильно употреблять одно слово, «тётя», и, одновременно, отрицать применение другого, «женщина», без этого, в любом смысле, требования существования значений, как ясно различимых монадических сущностей, без какой-либо интерпретации этого правила, мы говорим «истинно в силу значения», более того, даже без предотвращения его естественной эволюции в нашем языковом употреблении, в котором, затем, мы позволяем говорить о «тётях – не-женщинах»? (Если мы затем позволим говорить о «тётях – не-женщинах», это просто будет означать, что мы больше не будем следовать тому же самому правилу²²)²³.

ей, которую он описывает, как «бессмыслица и причина ещё большей бессмыслицы», (42): я признателен Александру Джорджу, обратившему моё внимание на эти два параграфа.

²⁰ Ср. Quine W. V. *Ontological Relativity* // Quine W. V. *Ontological Relativity and Other Essays*. – New York: Columbia University Press, 1969, p. 27.

²¹ Ср. уступку Куайна в его указ. в прим. 12 раб., с. 25-26, в том, что мы, иногда, условно определяем новые термины, и что всякий раз, когда мы делаем это, ‘у нас действительно имеется очевидный случай синонимии’: я признателен Тимоти Уильямсону за то, что он обратил моё внимание на этот отрывок. (Не то чтобы я хотел утверждать, что Куайн был бы счастлив по поводу всего, что я говорю в этом разделе. Установление правил представления куда более перекрывает условное определение новых терминов. Когда я говорю о том, ‘в чём действительная цель критики Куайна’, – это не экзегеза. Я акцентирую внимание на силе его аргументов.)

²² Будет ли это также означать, что у нас более нет действительного понятия тёти? Или это будет означать, что наше действительное понятие тёти изменено? – Когда, однажды в пятнадцатом веке пешке было позволено ходить на две клетки первой, то создало ли это новую игру, которую сейчас мы называем шахматами? Или сама эта игра подверглась изменению? – Относительно этих случаев ясно, что происходит. Предположите, чем Вы станете угрожать подобной ясности, пока не делаете ничего.

²³ Ср. снова раб. Витгенштейна, указ. в прим. 14, §§96-99 – особенно §98, где он отрицает, что его знаменитая аналогия dna реки делает логику ‘эмпирической наукой’. И ср. раб. Витгенштейна, указ. в прим. 3, Pt. I, §354. Крайне полезный материал об идеях этого раздела см. различные работы: Robert L. Arrington, Hans-Johann Glock (eds.). *Wittgenstein and Quine*. – London: Routledge, 1996, особенно Hacker P. M. S. *Wittgenstein and Quine: Proximity at Great Distance*, и Hookway C. *Perspicuous Representations*; первая из упомянутых – сокра-

II

Второй ход, который мы иногда совершаем, является представлением вещей «категорически», под чем я подразумеваю не способ, который затрагивал бы какой-то систематический контекст-зависимость, или подразумеваемую релятивизацию какого бы то ни было вида²⁴. (Последнее, там, где имеет место, демонстрирует, что представление – это индивидуальная точка зрения.) Я полагаю, что физики стремятся делать этот ход максимально широко²⁵. Поскольку то, что большинство фундаментальных физических законов выглядит одинаково со всех точек зрения, является рабочим предположением физиков, рассмотрим первый закон механики Ньютона. Тело остаётся в состоянии покоя, или постоянного движения по прямой линии до тех пор, пока оно не вынуждено изменить это состояние под воздействием сил²⁶. Эта формулировка закона полагается только для инерциальной системы координат. Земля, например, не является инерциальной системой. Если Земля будет системой отсчёта, то Солнце описывает её по некоторой колоссальной окружности раз в двадцать четыре часа, несмотря на то, что нет никаких относительных сил, которые бы действовали на неё. Это имело своей причиной по большей части то, что его не удовлетворяла скрытая релятивизация в формулировке закона и частичность, к которой, в свою очередь, она вела, так, что Эйнштейн был вынужден искать что-то более универсальное, и, в конечном счёте, сформулировать свою общую теорию относительности²⁷.

Тем не менее, Главное Представление, кажется, предотвращает то, что мы представляем вещи категорически – во многом так же, как и предотвращает наше установление правил представления. (Этого достаточно, не считая того факта, что оно определённо затрагивает идею, что все эпизоды языкового поведения зависят в своём значении от всех видов неясностей контекста, о котором некоторые люди сказали бы, как вводящем в замешательство.) Дело вот в чём. Если принять главное Представление, то кажется невозможным, чтобы значение слова было чем-то другим, а не его непрерывным употреблением, так, что каждое слово на

щённый вариант ещё более полезной работы, – Hacker P. M. S. Wittgenstein's Place in Twentieth-Century Analytic Philosophy. – Oxford: Basil Blackwell, 1996, Ch. 7.

²⁴ Ср. выше, прим. 16: именно то, что является 'вечным' предложением, составляет такое предложение, которое позволяет нам сделать этот ход.

²⁵ Ср. раб. Витгенштейна, указ. в прим. 3, Pt. I, §410.

²⁶ Ср. Newton I. Mathematical Principles of Natural Philosophy. – Berkeley: The University of California Press, 1947, Bk I, Law I.

²⁷ См. Einstein A. Relativity: The Special and the General Theory. – London: Methuen, 1960, p. 11, 61, 71-72 и 99. Более подробно о цели трансцендентальной перспективы (этого и любого другого вида), а также об аргументе достижимости этой цели, см. Moore A. W. Points of View. – Oxford: Oxford University Press, 1997, особенно первую и вторую части.

любом этапе его истории обладает различными возможностями дальнейшего употребления сохраняющегося значения, которое вплетено в него. Употребление слова всегда может сохраняться в различных отношениях, для различных целей, различных действий. У него имеется то, что мы ранее назвали «законченно-открытой динамикой». Таким образом, нет законного основания в продвижении к успеху в метафорах, которые могут быть изобретены для описания ситуаций, которые совершенно не похожи на что-либо, с чем кто-либо когда-либо встречался, и которые ведут к новым, ранее не описывавшимся, буквальным употреблениям: рассмотрим, например, небольшую адаптацию слова «слышать», чтобы описать действие с голосом собеседника по телефону. Но, кажется, за этим следует, что нет представления вещей, за исключением того способа, который, по самой крайней мере, зависти от временного контекста. Дело в том, что ни одно применение слова не может быть понято, кроме того, которое имеет место на отдельном этапе его развития. Рассмотрим следующее предложение:

(1) Слышанье (Earshot) кого-либо есть расстояние, в пределах которого возможно услышать чей-либо голос.

Это было более или менее ясно. На языке последнего раздела это можно было бы использовать однажды для установления правила представления. Если бы сейчас кому-нибудь пришлось высказать это предложение, с другой стороны, это было бы чем-то, в лучшем случае, ложным. Учитывая это, всё ещё остаётся неудовлетворительным просто сказать, что (1), или более подробно, что у слова «слышать» изменено значение. Это было бы слишком просто. Как уже было упомянуто выше, кажется, что лучше сказать, что значение слова «слышать» развилось, чтобы приспособить его настоящее употребление.

Ну, да. Конечно, неудовлетворительно *просто* сказать, что у слова «слышать» изменено значение²⁸. Но *некоторое* изменение произошло. Если напомнить тему последнего раздела, то можно сказать, что мы больше не придерживаемся тех же самых правил. И это означает, в частности, что мы не можем вывести заключения по поводу категоричности любого из наших представлений путём сравнения данных употреблений слова «слышать» с его прежними употреблениями. Сказать, что кто-то представил вещи категорически, не означает отрицать, что предложение, которое было использовано, чтобы сделать это, могло бы быть также ис-

---

²⁸ Ср. выше, прим. 22: даже если допустить, что была создана игра, когда пешкой стали ходить через две клетки, будет неудовлетворительно *просто* сказать, что шахматы были изобретены в пятнадцатом веке.

пользовано в другом контексте, возможно метафорическом, чтобы сказать что-то совсем другое. Также это не означает отрицания того, что различные процессы разработки значения и его развития могут, в конечном счёте, гарантировать, что предложение больше не может употребляться эффективно, *за исключением* высказывания чего-то совсем другого. Дело только в том, что это предложение свободно от того вида систематической контекст-зависимости, который сопровождает употребление, скажем, слова «сейчас»; того вида контекст-зависимости, который будет необходим при описании семантики слова. Предложения представляют вещи таким образом, что, по крайней мере, в рамках этих узко семантических терминах, они не принадлежат чье бы то ни было точке зрения.

III

Третий ход, который мы иногда совершаем, это употребление выражений таким образом, что мы делаем *их* предметом нашего рассуждения. В общепринятой терминологии мы иногда *упоминаем* выражения. Это является противоположностью по отношению к более обычному способу употребления выражений, который, опять же в общепринятой терминологии, означает *употреблять* их: когда мы употребляем выражения, в этом квази-техническом смысле, предмет нашего рассуждения (если таковой имеется) не составляет выражения, но что-то определённое их семантикой. Существует ряд условных способов упоминания выражений. Самым всеобщим из них является употребление кавычек. Так как в кошках нет ничего необычного, в «кошках», – заметьте далее, – шесть букв*.

То, что я только что предложил, в основе своей является грамматической характеристикой различения употребления выражений и их упоминания. Более прагматическая характеристика, кажется, состояла бы в следующем. Употребление выражений влечёт за собой их использование таким способом, при котором задействуется любое значение, имеющееся у них, для того, чтобы привлечь внимание к чему-то определённому, частично, этим значением. Упоминание выражений влечёт за собой их использование таким способом, при котором происходит отказ от любого имеющегося у них значения для того, чтобы привлечь внимание к самим выражениям.

Но сейчас из-за Главного Представления возникает сомнение по поводу того, можно ли провести какое-либо подобное различие. Учитывая Главное Представление, можно заметить, что грамматическая и прагматическая характеристики не будут согласованы. В соответствии с первой, различие является чётким и с ясно различаемыми грамматиче-

---

* В оригинале: Thus, whereas cats have four legs, 'cats' – note the singular verb coming up – has four letters – Прим. пер.

скими критериями употребления. В соответствии со второй, – по крайней мере, если Главное Представление верно, – вопрос о том, используется ли выражение, или оно упоминается в любом данном случае (как и с любым другим вопросом о том, к чему привлекается внимание средствами выражения в любом данном случае), этот вопрос является сложным, неопределённым и неподдающимся; он зависит во всевозможных способах от конкретных обстоятельств: он определённо не зависит каким-то прямым способом от употребления таких средств, как кавычки.

Таким образом, рассмотрим следующие два предложения и подчеркнутые выражения, которые имеют место в них:

(2) Кристофер никогда не может вспомнить таблицу умножения на девять; он всегда говорит, что восемь раз по девять это семьдесят четыре.

(3) Единственное слово для этого – это ‘абсурдно’.

С точки зрения грамматической характеристики в (обычном) употреблении могло бы быть использовано подчеркнутое выражение (2), а подчеркнутое выражение (3) могло бы быть упомянуто. Но с точки зрения прагматической характеристики, было бы истинным противоположенное. Снова рассмотрим следующее предложение:

(4) Альберт, который в действительности ничего не помнит из физики, которую однажды знал, всё-таки, помнит, что электроны имеют отрицательный заряд.

С точки зрения грамматической характеристики, «отрицательный» использовалось бы в (обычном) употреблении (4). Прагматическая характеристика, с другой стороны, вообще не даёт никакого ясного суждения. С прагматической точки зрения (4) иллюстрирует то, как употребление выражения и его упоминание могут незаметно соединяться друг с другом, – различие является количественным, в то время как, с точки зрения грамматической характеристики, он качественное²⁹.

---

²⁹ Другим значительным примером будет употребление предложения ‘Тёти женского пола’, чтобы установить правило представления. С точки зрения грамматической характеристики это затронет употребление и «тёти», и «женский пол». Прагматическая характеристика будет означать, что это затронет упоминание и того, и другого (приблизительно, – хотя это хороший вопрос – насколько приблизительно (ср. Baker G. P., Hacker P. M. S. Wittgenstein: Rules, Grammar and Necessity, Volume 2 of An Analytical Commentary to the Philosophical Investigations. – Oxford: Basil Blackwell, 1985, Ch. VI, §3(ii)).

Тогда повлечёт ли за собой Главное Представление распад различия, а вместе с тем и незаконность идеи, что мы вообще когда-либо упоминаем выражения? Вовсе нет. Это влечёт за собой то, что две характеристики должны быть обособлены; и то, что, если мы собираемся говорить об упоминании выражений, мы должны ясно представлять то, с какой из двух характеристик мы работаем³⁰. Моё личное предпочтение, по различным причинам, состоит в работе с грамматической характеристикой, которую я предложил в начале этого раздела, и которая, по моему мнению, более соответствует полученной практике. Во многих отношениях она также более соответствует идее, что упоминание выражения считается совершением лингвистического хода. Но это между прочим. Обе характеристики придадут ясное содержание идее о том, что мы иногда упоминаем выражения. (И обе характеристики, если говорить об этом, придадут важное содержание этой идее. Грамматическая характеристика, к примеру, позволяет нам сказать, что одно из величайших достижений позапрошлого столетия, а именно, доказательство Гёделя невозможности полной и последовательной аксиоматизации арифметики, было бы невозможным без должной оценки различия между употреблением выражений и их упоминанием³¹)³².

³⁰ Этот момент является ключевым в Moore A. W. How Significant is the Use/Mention Distinction? // *Analysis*, 46, 1986, где содержится более полное обсуждение этих вопросов.

³¹ Gödel K. On Formality Undecidable Propositions of *Principia Mathematica* and Related Systems I // Jean van Heijenoort (ed.). *From Frege to Gödel: A Source Book in Mathematical Logic, 1879–1931*. – Cambridge: Harvard University Press, 1967, например, p. 601. См. также Quine W. V. Gödel's Theorem // Quine W. V. *Quiddities: An Intermittently Philosophical Dictionary*. – Harmondsworth: Penguin, 1990, p. 84. Я действительно считаю, что грамматическая характеристика позволяет нам идти далее и говорить, что одно из великих достижений аналитической философии, в свою очередь, состоит в том, что была сделана возможной должная оценка этого различия. Даже в самых ригористичных работах по математике это часто упускается из виду: ср. Quine W. V. *Use Versus Mention*, в его указ. раб., p. 232. (Указание на значимость с прагматической точки зрения см. в раб Мура, указ. в прим 30.)

³² Здесь интересно вновь обратиться к Деррида. Его отношение к различию между употреблением выражений и их упоминанием любопытно двойственно. Кажется, он часто играет словами и действительно выносит философские суждения, точно, презируя различие: см., например, раб. Деррида, указ. в прим. 6, p.320-321. (Это – обвинение, которое выдвигает против него Сёрль в комментариях к этой работе – Searle J. R. *Reiterating the Differences: A Reply to Derrida* // *Glyph*, 1, 1977, p. 203). Более того, имеются моменты, где Деррида, кажется, относится к различию открыто враждебным образом. Ср. его комментарий, «Я пытаюсь занять такое положение, при котором... обозначенная вещь не так легко отделима от означающего», цит. по: David Wood, Robert Bernasconi (eds.). *Derrida and 'Différance'*. – Evanston: Northwestern University Press, 1988, p. 88. Ср. также Derrida J. *The Post Card: From Socrates to Freud and Beyond*. – Chicago: The University of Chicago Press, 1987, p. 97 и далее. Однако, в его ответе Сёрлю – Derrida J. *Limited Inc a b c...* // *Derrida J. Limited Inc*. – Evanston: Northwestern University Press, 1988, – он пишет (p. 81), – «Я согласен, что [смешение «употребления» и «упоминания»] может быть [крайне вредным]».

IV

Четвёртый ход, который мы иногда совершаем, состоит в том, чтобы достаточно просто говорить истинно или ложно о том, как обстоят дела (где истинность или ложность того, что мы говорим, считается одной из определяющих особенностей совершения нами этого хода). Может показаться невероятным то, что я включил этот ход в данный список. Может ли кто-нибудь действительно подумать, что Главное Представление ставит под угрозу идею того, что мы делаем нечто основополагающее подобное этому? Тогда, если даже истинность и ложность понимаются в умеренно вычурном виде, наше философское наследие, которое идёт от Платона или даже ранее, на самом деле наполнено сомнениями в отношении этой идеи, основанной на особенностях лингвистического поведения, которое выдвинуто на первый план в Главном Представлении³³. Однако эти высказанные сомнения поднимают метафизические вопросы, которые в данном случае меня не касаются. Я меньше беспокоюсь по поводу проблем, которые связаны с идеей того, как мы совершаем этот ход. Эти проблемы связаны с бесконечными способами, вновь выдвинутыми на первый план Главным Представлением: когда мы употребляем повествовательное предложение, которое позволяет нам совершить ход, условия, позволяющие нам совершить ход, могут, тем не менее, не быть истинными. При этом мы вообще не говорим ничего истинного, или ложного. Примеры включают случаи неудачных референций, когда, например, кто-нибудь говорит «Этот кинжал в крови», и у него галлюцинации. Они также включают случаи того, что Трэвис называет естественной *isostheneia*³⁴, тогда, когда кто-нибудь говорит, – это великолепный пример Остина³⁵, – «Он не дома», а упомянутый человек лежит наверху мёртвый. У любого, кто испытывает приступы растерянности антиреалиста по поводу закона исключённого третьего³⁶, также может испытывать желание включить все те случаи, в которых у нас нет способа, чтобы сказать, даже в принципе, и даже немного ошибаясь, о том, было сказано что-то истинно или ложно. (Антиреализм оспаривает идею о том, что нечто может

³³ Небольшой пример см.: Plato. *Theaetetus*. – Indianapolis: Hackett, 1990, 183a4–b8; Nietzsche F. *The Will to Power*. – New York: Random House, 1967, §616; и Derrida J. *Dissemination*. – London: Athlone Press, 1981, p. 168.

³⁴ Travis C. *Sublunary Intuitionism* // *Grazer Philosophische Studien*, 55, специальный выпуск, озаглавленный “New Essays on the Philosophy of Michael Dummett”, ed. by Johannes L. Brandl and Peter M. Sullivan, 1998, который включает обширное (и превосходное) обсуждение подобных случаев.

³⁵ Austin J. L. *Truth* // Austin J. L. *Philosophical Papers*. – Oxford: Oxford University Press, 1970, p. 128.

³⁶ См., например, Dummett M. *Truth* // перепеч. в его раб., указ. в прим. 16; и Dummett M. *Realism and Anti-Realism* // Dummett M. *The Seas of Language*. – Oxford, Oxford University Press, 1996.

быть истинным или ложным, несмотря на то, что у нас нет способа, чтобы сказать, что именно³⁷.) Одним из таких случаев может быть чье-либо высказывание о том, что «Декарт мог бы любить Мармайт»*.

Но, конечно, тот факт, что имеются бесчисленные способы, при которых мы можем употреблять повествовательное предложение, и не можем сказать нечто истинное, или ложное, не означает, сам по себе, что также нет способов, при которых мы можем употреблять повествовательное предложение, чтобы *суметь* сказать нечто истинное, или ложное. До тех пор, пока не будет причины думать, что неизвестные препятствия тому, что мы совершаем этот ход, как-то симптоматичны неизвестным препятствиям тому, что мы поступаем так, до этих пор будет казаться, что нет какой-либо угрозы идее, что мы иногда, – в действительности часто, – говорим истинно, или ложно, как обстоят дела³⁸.

Тогда что мы должны сказать по поводу того, кто высказывает повествовательное предложение в *попытке* совершить этот ход, хотя условия в действительности неподходящие? Только то, что этот некто высказал повествовательное предложение в попытке совершить этот ход; но, потому что условия неподходящие, попытка не удалась. Дело не в том, что он совершил ход каким-то несовершенным способом. Скорее, он просто вообще не сделал хода³⁹.

---

³⁷ Я не говорю, что антиреализм оспаривает идею о том, что нечто может быть истинным, несмотря на то, что у нас нет способа сказать, что оно является именно таковым. Такой метод выражения (несмотря на то, что его можно обнаружить в работах самих антиреалистов) обременяет антиреализм парадоксальным следствием, что не может быть никаких неизвестных истин (см. Fitch F. B. A Logical Analysis of Some Value Concepts // Journal of Symbolic Logic, 28, 1963). Версия в основном тексте не обременяет (см. Melia J. Anti-Realism Untouched // Mind, 100, 1991). (Наличие у нас способа сообщения, является ли *x* истинным или ложным, должно пониматься как допущение следующей возможности: хотя *x* фактически истинно, действительное осуществление этого способа превратит его в ложное (и, соответственно, поставит нас в положение, при котором мы скажем, что оно было ложным)).

* «Мармайт» (фирменное название питательной белковой пасты производства одноименной компании; используется для бутербродов и приготовления приправ) – Прим. пер.

³⁸ О различных, но связанных оговорках по поводу идеи того, что мы совершаем этот ход (в действительности идеи того, что мы совершаем *любой* ход), основанный на подозрении о самом различии между ситуациями, в которых имеются препятствия для совершения хода, и ситуациями, в которых их нет, см. Деррида, указ. раб. в прим. 6. Возможно, Деррида недостаточно воспринимает возможность того, что одно и то же предложение может употребляться в одной ситуации, чтобы совершить один ход, и в другой ситуации, неблагоприятной для совершения *этого* хода, чтобы совершить другой.

³⁹ Возможно, эта идея условна? Можем ли мы исключить категорию неудавшихся попыток совершить ход простым расширением нашего понятия ложности и приравниванием всех подобных случаев к случаям, в которых сказано что-то ложное (см. Dummett M. Truth, раб., указ. в прим. 36)? О причинах, почему мы не можем быть в состоянии сделать это, снова см. раб. Трэнвиса, указ. в прим. 34. Заметьте: также имеется вопрос, на который иногда дву-

Здесь, я думаю, ключ к тому, как считаться с приступами растерянности антиреалиста по поводу закона исключённого третьего без подчинения им. Что мы можем сделать – это строго придерживаться закона, так как отчасти это составляет само совершение этого частного лингвистического хода⁴⁰; далее, когда кто-то высказывает повествовательное предложение, и у нас нет способа сказать, было ли сказано нечто истинное или ложное, можно просто сказать, что у него не удалось совершить этот ход. Поскольку ход совершить не удалось, тогда вопросы о законе исключённого третьего, что касается того, что было сделано, даже не столько поднимаются, – сколько кроме них встанут другие, которые касаются приказов и данных клятв. В частности, то, что сделал этот человек, не обязательно принуждает нас к отказу от закона исключённого третьего, или к оговоркам по поводу его повторного утверждения. Я, конечно, осознаю, что об этом может быть сказано куда больше. Часть из этого я попытался сказать в другом месте⁴¹. Сейчас я удовлетворён просто упоминанием этого способа строгого соблюдения закона исключённого третьего, даже настаивая на том, что ничто не может быть истинным или ложным без способа сказать, что именно. Я думаю, что в этом имеется потенциал для того, чтобы разрядить обстановку в связи с большим количеством беспокойств по поводу антиреализма⁴².

Но не влечёт ли это также то, что мы не можем всегда *сказать*, совершил ли кто-нибудь этот ход? Определённо имеются случаи, когда, даже если мы не знаем о каком-либо способе того, что можно сказать, сказал ли кто-нибудь нечто истинно или ложно, мы не можем исключить возможность того, что *нет* хотя бы одного способа.

смысленно ссылается Стросон в Strawson P. F. On Referring // A. W. Moore (ed.). Meaning and Reference. – Oxford: Oxford University Press, 1993; этот вопрос состоит в том, делает ли тот, кто высказывает повествовательное предложение в неудавшейся попытке совершить этот ход, также и утверждение о том, что совершение этого хода не является ни истинным, ни ложным, или его не удаётся совершить вообще: см., например, Nerlich G. Presupposition and Entailment // American Philosophical Quarterly, 2. Это кажется мне несущественным вопросом терминологии.

⁴⁰ Ср. раб. Витгенштейна, указ. в прим. 3, Pt. I, §136.

⁴¹ Раб. Мура, указ. в прим. 27, часть десятая, §4: см., в частности, обсуждение того, что я называю ‘*частичный реализм*’, р. 245–249. Очаровательное рассуждение, которое в действительности поднимает проблемы по этой теме, см.: Williamson T. Never Say Never // Topoi, 13, 1994. Уильямсон завершает свою работу, задавая вопрос, составляют ли эти проблемы *reductio ad absurdum* той точки зрения, к которой он обращался в этой работе, а именно интуиционизма (р. 143). Мы также можем задать вопрос, составляют ли они *reductio ad absurdum* частичного реализма: я думаю, что нет.

⁴² Превосходное обсуждение сходных вопросов в связи с Витгенштейном см.: Hacker P. M. S. Insight and Illusion. 2nd edition, раб., указ. в прим. 8, Pt. XI, §4.

Этот вопрос выдаёт неверное понимание. Под обладанием нами способа говорить, сказал ли кто-нибудь нечто истинно или ложно, *я имею в виду* наше знание подобного способа.

Очень хорошо. Предположим, кто-то говорит, что «Декарт мог бы любить Мармайт». И предположим, что археологически-технологические достижения, в конце концов, поставят нас в положение, на данный момент выше нашего понимания, чтобы действительно попытаться установить, мог *бы* Декарт любить Мармайт. Предположим, наконец, что кто-нибудь снова высказывает предложение. (Это, конечно, определённый вид возможности, о которой Главное Представление заставляет нас рассуждать.) Действительно ли мы должны сказать, что первое из этих высказываний является неудачной попыткой сказать нечто истинно или ложно, а второе – успешной? Конечно, рассматриваемые продвижения дают первому высказыванию (ретроспективно) столько же права на приятие быть успешной попыткой, как и второму. Или, если мы *должны* различать два высказывания таким способом, то должны ли мы также принимать, что то, *что* сказано во втором случае, зависит от происхождения продвижений, и может даже отличаться от того, что говорится в каком-нибудь третьем случае, когда последующие продвижения позволяют нам поставить вопрос даже более эффективно? Это, кажется, идёт против интуиции⁴³.

Эти проблемы напоминают о вопросах, которые были высказаны выше, в §§I и II. И мой ответ на них такой же, как и был до этого. Конечно, неудовлетворительно *просто* сказать, что различные высказывания этого предложения так-то отличаются, особенно при условии очевидного постоянства в предложении, которое делает различия возможными. Но это не означает, что таких различий нет. Необходимо сказать, только, что полная семантическая история предложения не начинается, и не кончается ими.

V

Пятый ход является особым случаем четвёртого (я имею в виду «особый» только в смысле разновидности и рода: примеры пятого хода практически исчерпываются примерами четвёртого). Иногда мы говорим, истинно или ложно, *и неточно*, как обстоят дела. То есть, иногда мы совершаем четвёртый ход, употребляя предложение, которое, в некоторых контекстах, не может быть употреблено, чтобы сказать нечто очевидно истинное, или очевидно ложное, – или очевидно ни то, ни другое. Назовём такое предложение *неопределённым предложением*. А высказывание неопределён-

⁴³ Обсуждение подобной проблемы см.: Diamond C. How Old Are These Bones? Putnam, Wittgenstein and Verification // Proceedings of the Aristotelian Society, Sup. Vol. 73.

ного предложения, в подобном контексте, назовём *неопределённым высказыванием*. Примеры суть следующие: предложение «Ты – ребёнок», и высказывание этого предложения, адресованное четырнадцатилетнему человеку в отсутствие чего-либо, чтобы подрывало его смысл (например, контекстно-специфического условия).

За последнее время феномен неопределённости породил множество исследований⁴⁴. Именно здесь, в этой работе, как нигде более я сознаю, что я в состоянии внести лишь крошечный вклад в решение встающих вопросов. Но я включаю этот ход потому, что вижу его важную связь со всем тем, о чём я говорю.

Каким образом здесь уместно Главное Представление? Преимущественно в том, чтобы напоминать нам, что *существуют* неопределённые предложения, и, что существуют их неопределённые высказывания. До тех пор, пока мы не сможем дать им определённую оценку, мы рискуем с необходимостью принять, что не существует определённой оценки не-неопределённых высказываний неопределённых предложений (скажем, высказывания «ты – ребёнок», адресованное пятилетнему человеку). Это происходит отчасти из-за имеющих дурную славу парадоксов сорит⁴⁵, которые я буду обсуждать в следующем разделе, и, отчасти из-за того, что то, что считается неопределённым высказыванием неопределённого предложения, само по себе, конечно, является неопределённым. Под угрозой находится сама идея того, что мы говорим, как обстоят дела посредством неопределённых предложений.

Теперь, как мне кажется, в наличии имеется всё, что может быть сказано обоснованно по поводу неопределённых высказываний, более или менее приемлемое в каждом конкретном случае. Одним из моментов является то, что истина высказывания гарантирована самим фактом того, что оно было произнесено. Это предусматривает возможность того, что последующее высказывание отрицания того же самого предложения в том же самом контексте, или в уместно подобном контексте, также должно считаться истинным. Это совершенно очевидно. Идея заключается в том, что имеется некая степень свободы в употреблении неопределённых предложений, посредством чего их неопределённые высказывания могут функционировать отчасти сходным образом с перформативами, или с

⁴⁴ Выделяется работа Тимоти Уильямсона – Williamson T. Vagueness. – London: Routledge, 1994. И превосходный сборник – Rosanna Keefe, Peter Smith (eds.). Vagueness: A Reader. – Cambridge: The MIT Press, 1997. Каждая книга содержит обширную библиографию.

⁴⁵ Парадоксы сорит являются видом парадоксов, основанных на следующем, из чего происходит их название (греческое прилагательное ‘*sorites*’ соответствует существительному ‘*soros*’, которое означает «куча»). Одна песчинка не составляет кучу; для любого числа n , если n песчинок не составляют кучу: $n + 1$ песчинок не составляют кучу; следовательно, не существует числа песчинок, которые составляют кучу.

вердиктами судей: они могут быть истинными, таким образом, в силу того, что они были высказаны⁴⁶. («Вы могли бы сказать, что она ребёнок; вы могли бы сказать, что она не ребёнок. Решать – вам»⁴⁷.) Главное Представление, напоминая нам об огромном многообразии способов, в которых предложение может работать, вынуждает нас, или должно вынуждать нас, быть открытыми для этого возможного вида свободы.

То, что ещё может быть сказано о неопределённом высказывании, и то, что действительно можно сказать, когда только что упомянутый ярлык ‘перформатив’ кажется подходящим, но подтверждение высказывающего нельзя считать имеющим обычную силу, состоит в том, что высказывание не является ни истинным, ни ложным; то, что это неудавшаяся попытка сказать нечто истинное или ложное, в некотором виде рассматривается в предыдущем разделе. («Смотрите, вы не сказали ничего правдивого про неё! Я согласен, что вы *могли бы* сказать, что она – ребёнок. Но вы сказали это только потому, что вы думали, что ей семь лет. В действительности ей четырнадцать. Так что, это не считается».) То же самое может быть сказано, когда ярлык ‘перформатив’ кажется неподходящим, что означает просто то, что высказывание неопределённо. («Вы предсказали, что следующий человек, который войдёт в комнату, будет ребёнок. Но в действительности это радикальный случай. Выше предсказание в действительности не было правильным, как не было оно и неправильным».) Будет ли *это* последовательным?

Знакомый аргумент благодаря Уильямсону предполагает, что нет⁴⁸. Аргумент Уильямсона, если он успешен, показывает, что назвать неопределённое высказывание ни истинным, ни ложным, приведёт к противоречию. (В данном примере противоречие будет в том, что человек, о котором идёт речь, не будет ни ребёнком, ни не ребёнком – или, возможно, если это случай, когда ярлык ‘перформатив’ кажется подходящим, противоречие будет в том, что человек, о котором идёт речь, не будет ни тем, что высказывающий тогда и там назовёт ребёнком, ни тем, что высказывающий тогда и там не назовёт ребёнком.)

⁴⁶ Остин в Austin J. L. *How To Do Things With Words*. – Oxford: Oxford University Press, 1975, вводит понятие ‘перформатив’ посредством примеров: они включают высказывание «я согласен» в процессе свадебной церемонии, и высказывание «держу с вами пари на шесть пенсов, что завтра пойдёт дождь» (р. 5-6). Он категорически отрицает, что перформативы истинны или ложны (р. 6). Некоторые последовательно приняли его понятие, но исправили его с тем, чтобы предоставить перформативам истинность: по скорректированной точке зрения перформативы становятся истинными (см., например, Quine W. V. *On Austin’s Method // Quine W. V. Theories and Things*. – Cambridge: Harvard University Press, 1981, особенно р. 90). В разговоре о перформативах здесь я наглядно предполагаю эту скорректированную точку зрения.

⁴⁷ Cp. Sainsbury R. M. *Concepts Without Boundaries // Keefe, Smith (eds.)*, указ. в прим. 44, §6.

⁴⁸ Раб. Уильямсона, указ. в прим. 44, §7.2.

Я не буду пересказывать здесь аргумент Уильямсона полностью. Всё это означает для моих целей, что аргумент основывается на допущении, что высказывание касается «сказать что-нибудь». Можно ли противостоять этому допущению?

Рассмотрим случай неудачной референции. Подумайте снова о случае, в котором жертва галлюцинаций говорит, что «этот кинжал в крови». Имеется смысл, в котором высказывание выражает что-то. Имеется *смысл*, в котором оно выражает, что какой-то кинжал в крови. Но также имеется смысл, в котором оно не выражает этого. В частности, конечно, при условии, что высказывание не является ни истинным, ни ложным, оно не выражает чего-то в любом смысле, что требует от нас учитывать *in propria persona* имитацию истины или лжи: это тривиально. Таким образом, когда я говорю, что высказывание ни истинно, ни ложно, и, в частности, это не правда, я, тем самым, не беру на себя обязательство утверждать, что кинжал *не* в крови. Не *существует* никакого кинжала. Нет такого утверждения. Может ли такого же рода оценка быть дана неопределённому высказыванию?

Чтобы не ошибиться, при условии того, что то, что считается неопределённым высказыванием само является неопределённым, такого же рода оценка не может быть дана неопределённому высказыванию до тех пор, пока то, что считается высказыванием о чём-либо также является неопределённым, то есть до тех пор, пока предложение «это высказывание выражает что-то» будет оставаться неопределённым предложением. Но это именно так. Это одно следствие Главного Представления, которое мы точно должны принять.

У самого Уильямсона есть три аргумента против точки зрения, что неопределённое высказывание ничего не выражает (в известном смысле)⁴⁹. Один состоит в том, что, если бы обстоятельства были другими, так, что высказывание не было бы не-неопределённым, оно бы выражало что-то; тем более оно бы выражало то же самое. Другой состоит в том, что нет препятствия для понимания высказывания, которое было бы параллельно препятствию для понимания высказывания, которое затрагивает неудачную референцию. Оба аргумента вызывают у меня ощущение необходимости доказательств. Общепризнано, что самый сильный из трёх аргументов зависит от очевидного содействия того, что содержание неопределённых высказываний может привести к ещё более сложным высказываниям. Таким образом, рассмотрим снова высказывание «ты – ребёнок», адресованное четырнадцатилетнему человеку, без какого бы то ни было подходящего уточнения. Что бы нам ни пришлось говорить по

---

⁴⁹ Там же, pp. 195-197.

этому поводу, кажется, что мы должны принять истину высказывания «если ты ребёнок, то любой из твоих младших родственников также ребёнок», адресованное тому же самому четырнадцатилетнему человеку⁵⁰. Но Уильямсон настоял бы на том, что «условное высказывание выражает что-то только потому, что его antecedent и консеквент также что-то выражают»⁵¹.

Однако я думаю, имеется поправка к этой мысли, которая состоит в том, чтобы смотреть за формы предложений, которые затрагиваются в ходах, совершаемых ими⁵². То, что истина условного высказывания не является случайной, само по себе не случайно. Человек, который делает это высказывание, устанавливает правило представления: запрет на учёт адресата в качестве ребёнка, без учёта в качестве детей любого из его младших родственников⁵³. Но принятие этого правила вполне совместимо с вынесением каждого из различных индивидуальных вердиктов по данному вопросу. В частности, я не вижу, как это предотвращает отказ от учёта адресата в качестве ребёнка и отказ от учёта адресата не в качестве ребёнка. Истина условного высказывания (то есть, следования правилу) предусматривает, среди прочих вещей, отсутствие истинности или ложности обособленного появления его antecedenta⁵⁴.

Таким образом, то, что неопределённое высказывание ни истинное, ни ложное, – это ещё одна вещь из многих, которые можно сказать об этом обоснованно. И это не представляет никакой угрозы идее о том, что мы всегда должны употреблять неопределённые предложения, чтобы говорить о том, как обстоят дела, истинно или ложно.

⁵⁰ Допустим, что детство определено возрастом, по крайней мере, этим промежутком. В действительности, это некоторая идеализация. (См. далее прим. 56.)

⁵¹ Там же, р. 196.

⁵² Снова ср. резкую смену взглядов Хакера, ссылка на которую дана выше, в прим. 8.

⁵³ Если человек, который делает высказывание, знает, что у адресата имеется младший родственник, скажем, Стивен, тогда он мог бы установить то, что могло бы называться *прикладным* правилом представления, говоря, «если ты ребёнок, то Стивен – ребёнок». В то время как истина исходного высказывания является необходимой, истина этого высказывания будет довольствоваться неким видом условной необходимости – условной в отношении того, что Стивен является младшим родственником адресата. То, что я говорю об исходном правиле в главном тексте, также будет относиться и к этому прикладному правилу.

⁵⁴ В защиту Уильямсона можно сказать, что он ясно предупреждает этот контраргумент, говоря о «материальных» условных высказываниях (там же, р. 196), где материальное условное высказывание, в отличие от условного высказывания, которое употребляется для установления правила представления, является именно тем условным высказыванием, у которого истинность или ложность определяется истинностью или ложностью его antecedenta и консеквента. Но в этом случае спорным вопросом является предположение, что *существуют* какие-то релевантные условные высказывания, которые и материальны, и истинны (или материальны и ложны).

VI

Это упоминание о правилах представления придаёт моему очерку завершённый вид. Это вариация на идею правила представления, которую я хочу рассмотреть в этом последнем разделе, но всё ещё в связи с неопределённостью. Я хочу предложить подход к парадоксам сорит. (Я ничего не сказал о них в предыдущем разделе, что бы действительно касалось их.)

Иногда мы, – это шестой ход, – исключаем моменты прекращения действия в связи с неопределёнными понятиями. (Под неопределёнными понятиями я имею в виду понятия, подобные понятию ребёнка, которые делают неопределённые предложения неопределёнными.) Итак, рассмотрим Элен, которой десять лет. Мы готовы подтвердить следующее:

(5) Никакой отдельный день не обозначит конец детства Элен.

(Состояние готовности подтвердить (5) является частью того, что означает обладать полным схватыванием понятия ребёнка.) Само Главное Представление подсказывает, что хорошо обладать такими правилами, чтобы охранять гибкость и связь со случайным наблюдением, что помогает придавать этим понятиям их смысл⁵⁵.

Но, конечно, Элен перестанет *быть* ребёнком. И это создаёт парадокс. Её переход из детства во взрослость, кажется, если подумать, не может быть *без* момента прекращения. Кажется, что она не сможет перестать быть ребёнком до тех пор, пока не наступит *последний день*, в который она будет ребёнком⁵⁶. Это классический парадокс сорит.

Давайте взглянем поближе на то, как появляется парадокс. (5) кажется равнозначно следующему:

(6) Для любого дня, в который Элен считается ребёнком, она всё ещё будет считаться ребёнком на следующий день.

⁵⁵ Ср. Dummett M. Wang's Paradox // Keefe, Smith (eds.), указ. раб. в прим. 44, p. 109.

⁵⁶ Дело не в том, что возраст, в котором Элен перестанет быть ребёнком должен быть тем же, что и возраст, в котором любой другой человек перестаёт быть ребёнком. Ср. выше, прим. 50: это некоторая идеализация думать о детстве, как полностью определённом возрасте, даже до той степени, которая препятствует тому, чтобы у детей были младшие родственники, которые не дети, или тому, чтобы подростки возвращались в детство по этой причине; но будет куда большей идеализацией, которой мы должны избегать, а именно, думать, что для любых двух человек одного и того же возраста, один является ребёнком только, и если только другой является ребёнком. Детство более зависит от контекста, чем *этот* смысл.

Но (6), объединённое с предпосылкой, что Элен сегодня ребёнок, даёт заключение, что она останется ребёнком навсегда: её детство будет беспрепятственно переходить изо дня в день. Поэтому, если Элен должна перестать быть ребёнком, тогда, кажется, что мы должны отклонить (6) – и, следовательно, (5).

Однако в действительности это не следует. Определённо мы должны отклонить (6). Что из этого не следует, так это то, что мы также должны отклонить (5).

Чтобы проследить, как разделяются (5) и (6), рассмотрим следующее: отрицая (6), обязываем ли мы себя утверждать (7)?

(7) Наступит день, в который Элен будет считаться ребёнком, несмотря на то, что она больше не будет считаться ребёнком на следующий день.

Нет. Подумайте, что означает утверждать или отрицать, предложение подобное (6) или (7). В самой обычной интерпретации, если такие предложения истинны, то они необходимо истинны⁵⁷. Утверждать такое предложение, значит принимать правило представления. Отрицать его, значит отклонить принятие этого правила. Нет никакого основания, по которому бы нам не отрицать *оба*, *и* (6), *и* (7). Утверждать противоположное было бы подобно утверждению о том, что «начальным ходом будет ход пешки», или «начальным ходом не будет ход пешки» должно быть правилом в шахматах. Мы можем отрицать, что у нас есть правило представления, посредством чего мы не должны считать Элен ребёнком в любой данный день, пока мы также не будем считать её ребёнком на следующий день – под страхом необходимости признать, что она никогда не перестанет быть ребёнком. Но мы также можем, – что вполне согласуется с этим, – отрицать то, что у нас есть правило представления, которое заставляет нас признать, что наступит последний день, в который она будет ребёнком, – под страхом нарушения неопределённости нашего понятия ребёнка⁵⁸. Элен *постепенно* будет переставать быть ребёнком⁵⁹.

⁵⁷ Ср. что я сказал о «если ты ребёнок, то любой из твоих младших родственников ребёнок» в предыдущем разделе. Но ср. также прим. 53: здесь более правильно говорить об условной необходимости, чем о необходимости *безусловно*. Элен могла никогда не родиться. Она могла (Бог запретил) не выжить в детстве. (От последней возможности я отхожу в этом разделе.)

⁵⁸ Ср. Williams B. Which Slopes are Slippery? // Williams B. Making Sense of Humanity and Other Philosophical Papers: 1982–1993. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995, p. 217. Ср. также Wittgenstein L. Remarks on the Foundations of Mathematics. – Oxford: Basil Blackwell, 1978, Pt. V, §13.

Но отрицать (7), – отрицать обладание этим правилом, – само по себе есть обладание правилом. Это означает обладать правилом второго порядка, которое означает не принимать это правило первого порядка, или любое другое, которое принуждает нас к нему (например, правило первого порядка о том, что человек перестаёт считаться ребёнком, когда ему или ей исполняется четырнадцать лет). Это правило второго порядка может быть названо правилом *правила* представления. Это не устраняет накладывание нами точности на понятие ребёнка для определённых, особых и ограниченных целей, скажем, в условиях юриспруденции. Мы не нарушим правило, сказав, что для таких-то и таких-то целей мы собираемся считать кого-нибудь ребёнком до четырнадцати лет, а кого-то ещё – нет⁶⁰. Но мы нарушим правило, если мы увидим в этом связь всех последующих употреблений понятия ребёнка. Правило второго порядка точно предохраняет наше право накладывать подобную точность, но с учётом

---

⁵⁹ В предыдущем разделе я попытался дать некоторое указание свободного хода (free play), который нам позволяет наше понятие ребёнка, намекая отчасти на способ, при котором неопределённые высказывания, использующие это понятие, могут функционировать, как перформативы. Отчасти это означает, что сказать, что Элен постепенно будет переставать быть ребёнком, в семантических терминах, будет равнозначно тому, что этот свободный ход, применённый ко всей её жизни, будет постепенно нарастать, а потом постепенно уменьшаться. (Часть из этого, в свою очередь, означает, что предложение «Элен достаточно взрослая» для того, чтобы высказывание «Элен – ребёнок» действовало, как перформатив» во всех отношениях неопределённо, как и предложение «Элен – ребёнок». Это, как мне кажется, опровергает аргумент Уильямсона в указ. раб. в прим. 44, §7.3 в пользу точки зрения о том, что понятие ребёнка имеет *некоторый* момент прекращения. (Уильямсон в действительности формулирует аргумент в терминах понятия кучи.) Этот аргумент можно начать обсуждать рассмотрением следующих двух ситуаций. В первой два всеведущих совместно действующих говорящих, которых спрашивают ребёнок ли Элен в разное время в будущем. Они расходятся во мнениях относительно того, когда перестать называть её ребёнком. Во второй снова два всеведущих совместно действующих говорящих, которых спрашивают ребёнок ли Элен в разное время в будущем, *но они к тому же инструктированы употреблять любое расхождение со всей осторожностью* (то есть, примерно, им сказали перестать называть её ребёнком так скоро, как они смогут). Они также расходятся во мнениях, когда перестать называть её ребёнком. Аргумент начинает работать при мысли, что каким бы ни был смысл, вкладываемый нами в первую из этих ситуаций, вторая непонятна. Если это так, то, в конце концов, должен быть некоторый момент прекращения действия понятия ребёнка. Но в действительности, при условии того, что я сказал о предложении «Элен достаточно взрослая для того, чтобы высказывание «Элен – ребёнок» действовало, как перформатив», вторая ситуация не более непонятна, чем первая. Или, если это так, то это потому, что инструкция, которую дали двум говорящим, – употреблять любое расхождение, которое позволено им, со всей осторожностью, – означает применять эту инструкцию к самому этому предложению, в случае чего, я думаю, у нас есть основание обнаружить непонятность самой этой ситуации, но не в том, что имеется некоторый момент прекращения действия понятия ребёнка, а в непонятности самой инструкции.)

⁶⁰ В издании 1993 года моего (словаря – прим. пер.) The Chambers Dictionary определяет «ребёнка» как «очень молодого человека (до шестнадцати лет для целей некоторых парламентских актов, до четырнадцати лет в уголовном праве)».

другого момента прекращения действия, в некотором другом случае, позднее⁶¹.

Тогда мы можем принять и установить это правило правила представления. И *это*, утверждаю я, то, что мы делаем, когда утверждаем (5). (Вот почему я сказал в начале этого раздела, что я хотел рассмотреть *вариацию* на идею правила представления. Шестой ход такой же, как и первый. Однако он отличается от него в важном отношении.) Думать, что (5) равносильно (6), или скорее, что утверждение (5) равносильно утверждению (6), значит путать уровни. Нет препятствия для того, чтобы мы утверждали (5) и отрицали (6). И наше утверждение (5) не ведёт к парадоксу: это именно потому, что оно не касается отрицания нами (6).

Возражающий мог бы сказать, что «всё это очень хорошо, но, предположим, мы рассматриваем употребления (5), (6) и (7), не для того, чтобы совершить ходы, о которых вы говорили, а для того, чтобы сделать простые эмпирические утверждения о том, как обстоят дела. Что тогда?».

Что дальше? Из предложений самих по себе не очевидно, какие утверждения были рассмотрены. Если то, на чём я настаивал по поводу гибкости понятия ребёнка правильно, – если некоторые применения слова «ребёнок» к Элен могут считаться правильными, только в силу того, что они были сделаны, в то время как другие считаются ни правильными, ни неправильными, – тогда здесь бесполезно обращаться только к пониманию слов в предложениях, а потом как-то пытаться сослаться на семантику словосложения. Это просто не доставит никакого подходящего толкования. Дело в том, что эти предложения не могут употребляться, чтобы делать эмпирические утверждения о том, как обстоят дела, без дополнительного истолкования.

Некоторые высказывания этих предложений, при некоторых соответствующих толкованиях, будут несомненно истинными; другие будут несомненно ложными; а другие, вновь, при условии того, о чём я сказал в предыдущем разделе, не будут ни истинными, ни ложными. Например, высказывание (6) будет несомненно истинным, если оно означает, что для любого дня, в который Элен считается ребёнком, следующие двадцать четыре часа не внесут никакой ощутимой разницы в любую из характеристик, в силу которых она является ребёнком. Оно будет несомненно ложным, если оно означает, что для любого дня, в который Элен считается ребёнком, следующие двадцать четыре часа вообще не внесут никакой разницы в любую из этих характеристик. Высказывание (5) будет несомненно истинным, если оно означает, что у нас, в действительности, не будет особого дня, чтобы обозначить конец детства Элен. Тогда соответ-

⁶¹ Это другой пример свободного хода, который допускает наше понятие ребёнка (см. выше, прим. 59). Ср. ещё раз раб. Сэйнсбэри, указ. в прим. 47, §6.

ствующее высказывание (7) будет несомненно ложным. Наоборот высказывание (7) может быть несомненно истинным, если оно означает, что наступит последний день, в который у каждого в определённой группе (или у большинства людей этой группы, или, по крайней мере, у одного человека в этой группе, или у самого высказывающего) будет готовность сказать, без колебаний, что Элен – ребёнок. А соответствующее высказывание (5) тогда будет несомненно ложным. Или может быть, что ни одно из этих высказываний не будет истинным, *или* ложным, при условии, готов ли кто-то сказать, без колебаний, что Элен – ребёнок само по себе является неопределённым вопросом. Насколько я понимаю, ничего из этого не грозит парадоксом.

Главный урок этого раздела, как и всех остальных, следовательно, в том, что необходимо достичь истолкования в переведении внимания с форм предложений на ходы, которые мы совершаем с ними. И, несмотря на обескураживающую беспорядочность языкового поведения, ходы необходимо различать. В частности, мы иногда устанавливаем правила правил представления, – точно так же, как иногда мы совершаем каждый из пяти ходов, которым я уделил внимание в этой работе. Главное Представление не противоречит этому. Напротив, должная оценка Главного Представления может углубить наше понимание всех шести ходов, и может помочь нам увидеть путь среди некоторых знакомых философских загадок⁶².

---

⁶² Я очень благодарен Юри Хенинг за помощь в ряде дискуссий, а также Питеру Хакеру, Освальду Хэнфлингу и Тимоти Уильямсону за комментарии к более раннему варианту работы. Я также воспользовался *Meaning and Negation*, неопубликованной диссертацией магистра гуманитарных наук Юри Хенинг, Oxford University, 1994.